

Сандомирский Герман Борисович

Фашизм

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г38

Г38 **Герман Борисович С.**
Фашизм: Часть 2 / Сандомирский Герман Борисович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 89 с.

ISBN 978-5-519-84662-2

Итоги фашистского правления в Италии

ISBN 978-5-519-84662-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

у меня сказано в самом начале книги (на 2 — 3 стр.), но с какой стати я стал бы заниматься этим исследованием? Тов. Мещеряков не хуже меня знает, что никакой самостоятельной идеологии у нашей контр-революционной эмиграции нет. Отдельные течения ее тесно примыкают к соответствующим течениям европейской политической мысли и питаются их идеологией. Ясно, что у Милюкова разногласия с Муссолини (если таковые, на самом деле, имеются!) ничем не отличаются от разногласий, разделяющих фашистов и либералов в Италии; что Абрамович и Кускова для борьбы с фашизмом предложат те же толстовско-реформистские методы — «непротивления», которые рекомендуются Модильяни в его недавней статье, одинаково приведшей в восхищение редакции «Vorwärts» и «Дней». И Кускова, и Абрамович, и Зензинов будут, вместе с Модильяни, утверждать, что своей неумеренной тактикой революционные элементы итальянского пролетариата и вызвали зарождение фашизма. Тов. Мещеряков, внимательно следящий за европейской политической жизнью, думаю, согласится со мной в том, что одним из наиболее характерных фактов переживаемого времени является наблюдаемое повсеместно сближение демократии, силой вещей отброшенной в стан контр-революции, с фашизмом. Разбираться в том, какое из белогвардейских течений слилось с ним целиком, какое сливается лишь в контурах своих, — для этой ажурной работы, каюсь, у меня нет ни времени, ни охоты! Вот, когда случился, действительно, выдающийся факт в этой области, к сожалению, не отмеченный нашей повседневной печатью, я счел необходимым опубликовать его во 2-й части книги, — а, именно, тот факт, что народолюбивые и патриотически настроенные «Дни» обрушились на Муссолини за то, что он решил возобновить сношения с Россией! Странный патриотизм, странная борьба с фашизмом...

Только в одном природном грехе своем, правильно указанном тов. Мещеряковым, я не только сознаюсь, но и не собираюсь каяться. Это — тот грех, который определяется им, как «анархические очки»... Но я думаю, что дело не в очках, которые каждый из нас носит. Важно только, чтобы эти очки не заслоняли от нас живой действительности. Ведь вот мои «анархические очки» нисколько не помешали мне учесть всей важности и ценности работы коммунистической партии в Италии, несмотря на то, что не все мои товарищи в этом согласны со мной. Мне не

нужно было долго быть в Италии и долго изучать фашизм, чтобы понять, что революционным элементам итальянского пролетариата (в первую голову, анархистам и коммунистам) нужно, отбросив в сторону свои разногласия, ударить общими силами на врага. Людей, носящих очки, я привык жалеть только в таких случаях, когда эти очки обладают свойством сужать расстилающиеся перед ними горизонты и не позволяют им видеть ничего дальше своей околицы. Грешным делом, я позволяю себе думать, что революционное пролетарское движение ни в одной стране мира не выиграло от того, что анархисты и коммунисты—даже перед лицом общего врага—отказываются объединить свои усилия. Еще в большей степени верным кажется это мне в отношении Италии. Теперь, после того, как пришел к власти Муссолини—«Всех давишь»—и разгромил рабочую прессу всех направлений, можно найти в «Avanti» статью, оплакивающую разгром анархистской «Umanità Nuova» в Риме или коммунистической «Lavoratore» в Триесте; знаю случаи помощи, оказанной Коминтерном, сидящим в итальянской тюрьме товарищам-анархистам, боровшимся с фашизмом; думаю, что, скрываясь в октябрьские дни из Милана, анархисты и коммунисты сообща переходили нелегально через границу, и глубоко уверен в том, что борьба с фашизмом в Италии много выиграла бы, если бы это сближение произошло не после «похода на Рим», а до него...

Герм. Сандомирский.

Москва, 15 июля 1923 г.

I.

Первые шаги Муссолини-премьера.

Муссолини (портрет последнего времени).

События, вошедшие в историю Италии под именем фашистской революции, охватывают собою 4 дня,—время, которого оказалось вполне достаточно для того, чтобы разыграть при открытом содействии Виктора-Эммануила III весь этот «водевиль с переоде-

ванием», это—дни 26—30 октября 1922 г. Вернее было бы сказать, что в эти четыре дня был разыгран заключительный акт этого фарса, ибо первые разыгрались еще в правление предыдущих премьеров, Бономи и Факта, сделавших все от них зависевшее для того, чтобы обеспечить легкий успех Муссолини.

Муссолини в форме фашистской милиции.

История должным образом оценит роль этих господ, — равно, как и «колебания» короля, когда ему было предложено подписать декрет о введении осадного положения. В общем, в тот исторический момент, когда представился благоприятный случай утвердить в стране диктатуру буржуазии над трудящимися массами Италии, Виктор-Эммануил III оказался достойным сыном своего отца Умберта, накормившего голодных миланских рабочих свинцовыми пулями во время восстания 1896 г., за что они честно расплатились с ним руками рабочего Гаэтано Бреши, — и протянул руку помощи Муссолини.

Захватывая государственную власть в свои руки, Муссолини вряд ли скрывал от себя трудность стоявших перед ним многочисленных задач.

Случилось так, что хронологически первым вопросом, который ему пришлось уладить, оказался вопрос о взаимоотношениях между фашистами и короной.

Как известно, Муссолини явился к королю в форме фашистской милиции, т.е. в черной рубашке, на которой имелись знаки отличия. Новый премьер сказал королю:

«Прошу извинения у вашего величества за то, что явился в черной рубашке, но я едва только успел возвратиться с битвы, — к счастью, обошедшейся без пролития крови, — в которой я вынужден был принять участие. Я возвращаю вашему ве-

личеству Италию времен Витторио Венето, вновь возвеличенную победой, и остаюсь вернейшим слугой вашего величества».

Это заявление насквозь пропитано лицемерием лукавого царедворца, который, сначала дав понять свою силу, не прочь в конце своей речи и польстить «обожаемому монарху». Он, Муссолини, возвращает королю Италию Витторио Венето, Италию эпохи славной победы, о которой столько лет неустанно трубят на всех перекрестках фашисты, а до них их предшественники: патриоты, националисты, «комбаттенти» и «ардити» (участники войны, ударники). Не слышен ли в этих словах открытый и дерзкий намек на то, что сам король, вследствие своей слабохарактерности, в результате которой расшатался государственный механизм Италии, не сумел удержать в руках плоды славных итальянских побед? Нужно было, чтобы на авансцену политической жизни Италии выступил Муссолини,—этот типичный итальянский «земгусар», во время войны занимавшийся преподаванием в военно-химической школе, контуженный осколками бомбы во время учебных занятий и посему причисленный своими поклонниками к лику бессмертных героев, — и «вернул» королю Италию. Но тот, кто может своими руками вернуть Виктору-Эммануилу Италию, может и отобрать ее. Этот естественный вывод напрашивается сам собой. Такова истинная формула взаимоотношений, создавшихся отныне между фашистами и итальянской короной. Виктор-Эммануил III самым циничным образом взял сторону фашистов в сражении, объявленном ими трудящимся массам Италии в дни 26 — 30 окт. 1922 г. За это они решили его терпеть до поры до времени,—и даже окружить эту жалкую марионетку ореолом представителя победоносной Италии. Король понимал свое истинное положение еще до фашистской «революции». Если бы он вздумал сопротивляться им, он был бы сметен ими, как жалкий мусор, ибо за него не заступилась бы ни одна, даже архи-буржуазная партия,—до такой степени король никому не нужен в Италии. Но, поскольку он согласился играть роль куклы в руках предприимчивого Муссолини, последний решил бросить на чашу весов и эти жалкие побрякушки давно дискредитированной в Европе королевской власти¹⁾.

¹⁾ Римский корреспондент „Daily Express“ сообщал в свое время о любопытных деталях той „драматической“ эпопеи, во время которой король, с одной стороны, отказался принять отставку Факта, а, с другой—не менее решительно отказался подписать декрет о введении осадного положения. Вдохновителем последнего решения явился старый друг и советник Виктора-Эммануила III генерал Диац. Он внушил королю мысль о необходимости „перешагнуть через конституцию“ ради спасения Италии и короны. Рассказывают, что король провел четверть часа в глубоком раздумье над законопроектом об осадном положении и готов был уже подписать его. В это время в рабочем кабинете короля находились Факта и генерал Диац. Последний отозвал короля в сторону и прошептал ему на-ухо: „Понимаете ли вы

Не беда, что «на заре своей юности» фашистские лидеры провозглашали себя республиканцами и, бия себя в груди, клялись всеми добродетелями древнего республиканского Рима. Ведь недаром в предисловии, написанном им 6 дек. 1921 г. к «Программе и статутам Национальной партии фашистов», Муссолини говорит:

«Вряд ли представляется необходимым заявить, что фашистская программа не есть догматическая теория, не допускающая никаких дискуссий по поводу ее пунктов. Наша программа находится в постоянной переработке и переделке. Она подвергается непрерывному пересмотру. Единственный способ сделать ее жизненной, а не мертвой материей, заключается именно в этом».

События фашистской «революции» показали, что из всех фашистских добродетелей первоначальные республиканские традиции вождей оказались наименее устойчивыми. Вместе с общим правлением фашистской партии, постепенно отдававшим ее в руки самой черной реакции, партия из республиканской превратилась в явно - монархическую. Это очень огорчило республиканскую партию, значительное крыло которой представляло собой раньше фашистских «попутчиков», но общее значение этой партии в Италии настолько незначительно, что разрыв ее с фашистами выразился лишь в нескольких сердитых возгласах, брошенных деп. Конти, их лидером, во время первой речи Муссолини в парламенте. Разумеется, преданность фашистского лидера королю следует признать весьма платонической. По крайней мере, трудно процитировать хоть один случай из правительственной практики Муссолини, когда он прибег бы к авторитету короля для управления страной, если не считать выполнения какого - либо чисто - формального ритуала.

По окончании часовой беседы Муссолини и Виктора-Эммануила, «восторженно настроенная» толпа, — как повествовала об этом фашистская пресса, — потребовала, чтобы король и Муссолини одновременно появились на балконе. Зрелище короля и рядом стоящего с ним бывшего левого социалиста, разумеется, оказалось весьма символическим и поучительным для целых поколений пролетариата, но больше всего оно было именно символическим, ибо с тех пор, как Муссолини покинул Квиринал, «под шумные приветствия восторженной толпы», он правит страной единолично и безраздельно.

ваше величество, что этот документ явится смертным приговором монархии в Италии, ибо он целиком противоречит настроению нации?». Эти слова убедили короля...

II.

Образование кабинета.

Первой мыслью Муссолини по выходе из дворца было не столько самое образование кабинета, сколько попытка составить его из представителей различных политических партий, отнюдь не придавая ему однородной фашистской окраски. На первых порах это и удалось Муссолини,—правда, до известной степени. Вопрос о сотрудничестве с социалистами, в «войне» против которых Муссолини только-что одержал столь блестящую победу, был, конечно, исключен обеими сторонами; что касается социал-реформистов типа Даррагоны, делавшего попытки забежать к новому диктатору с заднего крыльца, они внушали Муссолини столько презрения, что он сразу же отказался от всяких заигрываний с ними. Он прекрасно понял то, чего не могут понять до сих пор Даррагона и его друзья: «социалист», вступающий в то или иное соглашение с фашистами, не может пользоваться в глазах массы большими авторитетом или меньшим презрением, чем последние.

Состав первого кабинета Муссолини, благополучно просуществовавшего до недавнего разрыва с народно-католической партией («пополари»), представляется в следующем виде:

Премьер и министр внутренних дел—М у с с о л и н и;

Временно исп. должность министра иностранных дел—М у с с о л и н и;

Военный министр—генерал Д и а ц (сенатор);

Морской министр—адмирал Т а о н - д и - Р е в е л ь (сенатор);

Министр колоний—депутат Ф е д е р ц о н и;

Министр юстиции—депутат О в и л и о;

Министр финансов—депутат д е - С т е ф а н и;

Министр казначейства—депутат Т а н г о р р а ¹⁾;

Министр народного просвещения — проф. Д ж е н т и л л е;

Министр обществ. работ — депутат К а р н а ц а;

Министр земледелия—депутат д е - К а п и т а н и;

Министр промышленности—депутат Р о с с и (сенатор);

¹⁾ Скоропостижно скончался осенью 1922 г. На другой же день после его смерти Муссолини отменил это министерство, объединив его с ведомством финансов.

Министр труда—депутат К а в а ц ц о н и;
Министр почт и телеграфов—деп. д и - Ч е з а р е;
Министр «освобожд. местностей» — деп. Д ж у р а т и;

Т о в а р и щ и м и н и с т р о в :

Тов. мин. иност. дел—деп. В а с с а л л о;
Помощн. премьера — деп. А ч е р б о;
Тов. мин. внут. дел.—Ф и н ц и;
Тов. военного министра — депутат д е - В е к к и.

Согласно официальной версии, политические партии в правительстве Муссолини были представлены следующим образом:

- 4 фашиста — Муссолини, Овилио, де-Стефани и Джурати;
- 2 «пополари» — Каваццони и Тангорра;
- 3 демократа — Карнаца, ди-Чезаро и Росси;
- 1 либерал — де-Капитани;
- 1 националист—Федерцони;
- 3 беспартийных — Диац, Таон-ди-Ревель и Джентиле.

Эта официальная статистика нуждается в некоторых исправлениях. Начать с того, что «беспартийность» Диаца, Таон-ди-Ревеля и Джентиле должна быть подвергнута большому сомнению. Нынешние военный и морской министры пользуются огромной популярностью среди фашистов, Диац чуть ли не конкурирует в своей славе с другим героем войны — генералом Луиджи Кадорной, — таким образом, отнесение последних трех министров к «беспартийным» должно быть отнесено к ловким тактическим приемам Муссолини. Затем, нужно принять во внимание, что, при всей своей необузданной энергии, вряд ли Муссолини в состоянии управлять одновременно тремя ответственнейшими министерствами. Фашисты Ачербо, Девекки и Финци, крупнейшие лидеры фашистской партии, фактически замещающие важнейшие посты в стране, отнюдь не могут считаться бессловесными пешками и, при определении партийной окраски кабинета, непременно должны приниматься в расчет (Вассалло, тов. мин. иностран. дел, принадлежит к «пополари»).

Таким образом, в первом кабинете Муссолини мы находим: 7 фашистов, 3 «пополари», 3 демократов, 1 либерал, 1 националиста и 1 «беспартийного» (вернее, тоже фашиста — проф. Джентиле). Главные портфели в нем отданы фашистам, — и даже наиболее дружественная фашистам партия «голубых рубашек» (националистов) получила лишь одно министерство. Попытку Муссолини создать неоднородный кабинет можно считать удавшейся—лишь с большой натяжкой.

Любопытна и та система привлечения сотрудников, к которой прибег новый премьер. Она была довольно красочно описана газетой «Giornale d'Italia», откуда мы и заимствуем кое-какие детали, сопутствовавшие образованию первого фашистского кабинета в мире:

В 12½ ч. новый председатель совета министров начал свои переговоры с лицами, которые, по его мнению, могли бы занять министерские посты в его кабинете. Пригласив к себе депутата Чезаро, Муссолини сказал ему: «Я назначил тебя министром почт и телеграфов. Ты—согласен?»—«Разумеется»,—ответил этот депутат, именующий себя членом «социально-демократической» партии. — «Ты будешь министром колоний», — объявил, затем Муссолини о своем решении близкому другу, националисту Федерцони,—а твоим помощником я назначаю депутата либеральной партии Марки». Ко всем остальным кандидатам Муссолини обращался с таким же отрывистым замечанием, иногда прибавляя, после получения согласия: «Спасибо — от имени отечества!». Характерно в этой патриархальной системе приглашения министров в кабинет конституционной страны еще и то, что ни одному кандидату Муссолини не сообщал имен остальных министров; каждый, таким образом, знал только о своем назначении. Но, разумеется, «любовь к отечеству» в каждом из них побеждала всякие сомнения, и все они соглашались, под руководством Муссолини, работать даже с завязанными глазами, т.-е. в анонимном кабинете. Это — лишнее доказательство в пользу того, что по своему рабочему отношению к вождю фашизма, если это и не всегда совпадало с формальной партийностью его членов, первое министерство Муссолини было однородно-фашистским.

III.

Расправа с парламентом.

Не успело еще правительство сдать в печать список новых министров, как различные органы итальянской и иностранной прессы обрушились на Муссолини с упреками по поводу нарушения им итальянской конституции. В самом деле, согласно доброму конституционному обычаю, большинство портфелей нового кабинета должно было достаться политической партии, располагавшей большинством голосов в парламенте. У фашистской партии такого большинства не было. Но Муссолини уже давно обнаружил свое пренебрежительное отношение к парламентским предрассудкам, и потому оставил все протесты без малейшего ответа. Наконец, основной закон гласит: «Король назначает и увольняет министров», а фашисты любят использовать закон, разумеется, в том случае, если этот закон им выгоден. На этот раз Муссолини, прикрываясь—для мало посвященных—именем короля, так и поступил. Оппортунизм худшей марки уже давно стал родной стихией для Муссолини. Недаром в день образования фашистского кабинета известный парижский публицист *Pertinax* поместил в «*Echo de Paris*» (от 31/X) сообщение о том, что за неделю до переворота Муссолини выразил готовность войти в коалиционный кабинет *Джиалитти-Орландо*, но от этой комбинации его отклонили более крайние элементы его партии, как, например, *Бианки* и *Гранди*, взявшие на себя полную ответственность за всю «фашистскую революцию». И только тогда Муссолини решил идти «напролом», признав, вслед за романтиками фашизма типа *Бианки* и *Гранди*, что фашизм уже вполне созрел для единоличного распоряжения судьбами Италии.

На очередь встали четыре крупнейших задачи:

1) Расправа с парламентом и восстановление в Италии эры «просвещенного абсолютизма».

2) Сговор с теми буржуазными партиями, которые, перед лицом совершившегося переворота, выразят ему полную покорность.

3) Уничтожение инакомыслящих.

4) «Новое слово» в области внешней политики, которая, вследствие сгустившихся на европейском горизонте политических бурь, не могла потерпеть ни малейшего промедления.